

СТРУКТУРНОЕ СТРОЕНИЕ СИСТЕМЫ ПРАВА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

© 2010 г. Д.М. Азми¹

В современный период в правовой доктрине наблюдается значительное возрастание интереса к тематике системы права, особенно в контексте определения ее структурного ряда². Это обусловлено тем, что многие проблемы соответствующей области до настоящего времени остаются нерешенными или весьма спорными.

Существующее в правоведении многообразие правовых позиций в области структурного строения системы права, их противоречивость, сложность определения и разграничения отраслей права не только свидетельствуют о необходимости переосмысления доминирующего сейчас рассмотрения системы права “сквозь” отраслевую конструкцию, но и требуют выработки новых методологических подходов. Некоторые суждения по данному поводу будут предложены в настоящей статье.

Прежде всего необходимо отметить, что любая система неизменно состоит из определенных структурных компонентов, представляющих собой ее закономерные взаимосвязи и обладающих (в сравнении с иными частями соответствующего внутреннего строения) стабильными, довольно статичными свойствами. Отсюда следует, что независимо от того, насколько крупно (или мелко) мы станем дробить в системе неструктурные элементы, сама она (в качестве целостного единства) все равно будет логически последовательной (в том числе и по части завершенности). Сами же структурные части в ней будут существовать всегда, ибо при отсутствии таковых нельзя констатировать и наличия самой системы. Так, бесперспективно рассуждать о строевом ряде юридических норм при фактическом и потенциальном

отсутствии оных. Число же их ассоциаций может быть различным, ибо оно предопределяется совокупностью факторов не только объективного (или объективированного), но и субъективного свойства.

Как представляется, рассмотрение системы права должно производиться в контексте того, что опосредованное государством юридическое нормирование должно быть подлинным отражением права, учитывать мировоззренческо-социальные составляющие такового. В противном случае юридическое нормирование не будет обладать должным уровнем социальной адекватности, а значит, в конечном итоге и надлежащим качеством своего действия.

Структурное строение объективированного права должно корреспондировать сути интересующего нас явления; исходящим от уполномоченных субъектов общеобязательным формально-определенным правилам поведения надлежит проецировать внутренние связи права (в широком значении данного термина). Последнее предопределяет проявление соответствующих структурных частей (предстающих в данном срезе как пирамидально выстроенные профильные основные начала) в юридизированных закономерностях общественного взаимодействия.

Компоненты необходимых, существенных, постоянно повторяющихся взаимосвязей системы права (определяющие этапы и формы процесса ее становления и развития) представлены здесь в тех показателях (их можно образно охарактеризовать как стержневые основы права), что существуют в юридической среде постоянно (лишь относительно завися от конкретно-исторического правового бытия), а также содержат и (или) отображают принципы права. Кроме того, как видится, в наиболее общих тенденциях развития самого права отображаются закономерности формирования его системы (в том числе структурного порядка). Например, современная тенденция усиления частноправового начала нормативной юридической регламентации проявляется в закономерном наличии в положительном праве одноименной семьи отраслей (как самостоятельного структурного компонента). На саму исследуемую систему

¹ Советник Отдела законопроектных работ Правительства Москвы, доцент Московского института права, кандидат юридических наук.

² См., например: *Бабюшин О.А.* Система конституционного права как отрасли российского права: вопросы теории и практики. Дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001; *Асланян Н.П.* Основные начала российского частного права. Дисс. ... доктора юрид. наук. М., 2002; *Черенкова Е.Э.* Система права и система законодательства Российской Федерации. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006; *Азми Д.М.* Теоретико-методологический анализ отечественного учения о системе права (1938–1946 гг.). М., 2009.

названная тенденция проецируется посредством увеличения частноправовой сферы юридического действия.

Взаимосвязана система объективного права и с системой общественных отношений, отличаясь от нее видом и наполнением. Последнее объясняется тем, что содержание правового воздействия, представленное социальным поведением, является лишь “базовой моделью”, “проектным наброском” для юридических конструкций: конкретное заполнение будет зависеть и от особенностей направления, и от ряда профильных (в том числе технико-юридических) показателей.

Итак, можно констатировать, что сущностными свойствами системы права выступают: содержательное единство; внутреннее упорядоченное дробление; логичность; стабильность структурных элементов (в соотношении с динамизмом других системных частей). Здесь надо обратить внимание на отсутствие противоречия у свойств целостности и подразделения: второе является лишь показателем первого и свойственно всем сложным системам. Выделение в явлении составных частей не означает отсутствия у него единых основополагающих черт, свидетельствующих о совокупной целостности соответствующего феномена. Указанное демонстрируется хотя бы на конструкции правовых норм. Если таковые не будут обладать свойствами взаимосвязанности и согласованности, то в соответствующей среде положительное право не сможет достичь своего назначения (причем не только в абсолютном смысле), оно окажется неспособным регламентарно-упорядочивающим образом воздействовать на общественные отношения. В свою очередь, самим нормам права присуща триадная, т.е. дробная, структура.

При этом при рассмотрении (господствовавшем в первой половине прошлого века) системы права с позиций исчерпывающего комплекса отраслей и (или) в качестве систематизации юридических правил поведения ее изменение надо признать возможным. Дело в том, что разными социумами может быть востребован не одинаковый “дробный набор” секторных правообразований, в то время как сама систематика способна производиться на базе различных критериев. Но и при таком юридико-мировоззренческом подходе в отношении структурных частей права все равно следует констатировать большую стабильность.

Следует сказать и то, что наличие отрасли в праве некорректно мотивировать существованием систематизированного нормативного правового акта, так как по своему сугубому назначе-

нию система права носит в сравнении с законодательным (нормативным правовым) группированием определяюще-задающий, первичный характер.

Это не означает, что внутреннее подразделение позитивного права должно быть отчуждено от носящего (в соотношении с самим элементарным строением) гораздо более подвижный характер массива нормативных юридических предписаний. Просто система в силу своей теоретизированности, абстрактности, обобщенности наделена более стабильными свойствами, чем отдельные нормы права и (или) отображающие их формы (допустим, статьи законов). Так, изменения в одном поведенческом правиле (и (или) в одной статье закона) не трансформируют (по крайней мере в “чистом” виде) системы права как целого. В свою очередь, изъятие или прибавка уровневой части внутренне упорядоченного строевого ряда права (допустим, отрасли права) на систематике юридического материала непременно сказывается. В данном контексте отметим, что правовая норма (в качестве уровневого компонента) бытует в системе права всегда, ибо без отдельных поведенческих правил не может существовать и их внутренней упорядоченной совокупности.

Рассуждая о системе права, нельзя забывать и о том, что в социальной (как минимум) сфере проведение абсолютно-разделительных градаций и недопустимо, и невозможно. В данной связи, а также учитывая нарастающее число “отраслей права” (медицинского, спортивного, транспортного), хотелось бы сказать, что непомерное членение влечет за собой необоснованное обособление юридической доктрины, практики, профильных учебных дисциплин; способствует “оторванности” различных направлений права друг от друга. Это, в свою очередь, препятствует целостности правовой подготовки и деятельности, “провоцирует” излишнюю узость специализации юристов (различной квалификации), затрудняет адаптацию многих действительных и будущих специалистов к динамике профильной регламентации. В то же время именно качества креативности, способности к гибкому, нестандартному мышлению, обобщению (не сводящемуся только к знанию “статьи нормативного правового акта”) всегда были и остаются крайне востребованными в правоведческой области.

Рассматривая отраслевую конструкцию системы права, следует сказать о том, что предмета и метода правового регулирования недостаточно для последовательного обособления и объединения правовых норм.

Представляется, что указание на наличие отрасли норм права должно осуществляться, исходя из совокупности следующих факторов: содержания (предмета, материального показателя) действия права; превалирующих принципов права и (или) законодательства; преобладающих интересов лиц правового общения и основоположений их поведения; воли заинтересованных субъектов (в условиях государственной организации социума – в первую очередь публично-властных) в выделении таковой; цели правового воздействия на поведение адресатов; метода правового регулирования (формального основания); видового “набора” юридических источников; состава участников сектора правового общения; конвенционности (конвенциональности) восприятия (понимания, толкования, трактовки, интерпретации) правового массива (звена) в качестве отрасли; функций правового воздействия; социальной значимости (в рамках соответствующей среды) общественных отношений и корреспондирующих им правовых норм; устоявшихся в конкретно-историческом правобытии традиций; потребности в самостоятельном изучении и исследовании юридических предписаний о социальном взаимодействии той или иной направленности (т.е. в специальном внимании к ним).

Наиболее значимыми для решения вопроса о наличии (отсутствии) отрасли права видятся первые семь из названных показателей. Стоит обратить внимание при этом на то, что во втором основании дается указание не только на принципы права, но и на основные начала законодательства (иногда толкуемые в качестве составляющей собственно правовых основоположений). Это обусловлено тем, что склонный к субъективизации отраслевой ряд правовых норм больше, чем сущностная (с позиций структурно-системного строения) дуалистическая “модель”, отражает конкретные нормативные юридические установления. Как следствие, в сравнении с формирующими факторами дуалистических блоков отраслевые основания носят более субъективный характер, так как здесь решение вопроса во многом зависит от “человеческого фактора” и не сводится к единству сущностного содержания того или иного юридизированного массива.

Обращаясь же к такому показателю, как состав участников сектора правового взаимодействия, укажем на то, что для отечественной юриспруденции характерно деление субъектов права на индивидуальные (физические лица) и коллективных, или, по другому, групповых (государство, субъекты государства, органы государства, юридические

лица, иные общественные объединения). В строгом значении оно не является вполне корректным. Для объяснения скажем, что юридическое лицо может состоять и лишь из одного участника – индивида. По указанной выше классификации таковое (как организация) подпадает под число групповых субъектов, хотя никакого объединения (коллектива), со структурно-субъектных позиций, при этом и не включает.

Обобщение общетеоретического уровня позволяет установить, что все участники правовой жизни, за исключением самого физического лица, “создаются” именно представителями рода *homo sapiens*, возникают в результате деятельности таковых. Это утверждение справедливо и в отношении публично-правовых образований, и юридических лиц, и иных объединений: бытие ни одного из указанных субъектов априори невозможно без существования представителя человеческого рода.

Таким образом, все другие участники правовой жизни по отношению к физическому лицу носят производный характер. Человек же (как представитель рода) является первичным (безусловным, суверенным) субъектом права. Поэтому более последовательным нам видится генезисное, зависящее от природы и “естественности” (“безусловности”) принадлежности к сфере действия права подразделение лиц юридической жизни на первичных (суверенных, основных) и вторичных (производных).

Заметим, что в настоящий момент подобная градация участников устойчива и востребована в международном праве. К числу первичных в обозначенной области относятся так называемые суверенные (государства и борющиеся за свою независимость народы и нации), а вторичных – производные (созданные суверенными) субъекты.

Отдельного внимания заслуживают и такие показатели отраслевого ряда системы права, как принципы права. Значимость их предопределяется тем, что социальное общение всегда базируется на неких исходных основоположениях – в противной ситуации оно останется “безыдейным” (а в завершающем варианте и хаотичным). Из этого вытекает, что “рассчитывающие” на качественное воздействие правовые нормы должны (так или иначе) “отталкиваться” от принципиальных социативных установок, которые, в свою очередь, обладают различным “удельным весом”. Так, некоторые из них имеют фундаментальное значение и относимы ко всем проявлениям межсубъектных контактов (в качестве примера здесь можно привести положение о справедливом обще-

нии). Другие же реализуются только в некоторых областях социального бытия. В интересующем нас контексте таковые именуются принципами (основополагающими, исходными началами) права. В частности, основоположение справедливого общения трансформируется в правовой среде в общеюридический принцип справедливости. При проекции же в материале статутного толка исходные идеи права приобретают писаную форму, хотя категория основных начал законодательства более субъективна: кроме собственно основоправовых она может быть представлена и теми положениями, которые причислены к числу базисных лишь по воле нормотворца.

Стоит сделать акцент и на то, что юридическая конструкция отрасли права, несмотря на определенную нечеткость, обладает весомой значимостью: она аккумулирует в себе данные (теоретического, легализованного и фактического характера) об общественных отношениях, подпадающих под ту или иную сферу правового действия. Более того, отраслевая градация, даже не будучи “специальным” образом проработанной на теоретическом уровне, присутствует в самых разных системах права. Наиболее четко это прослеживается в рамках романо-германской (континентальной) правовой семьи. Причем гражданское право в данной правовой общности может трактоваться и как идентичное частному, и как составляющая последнего. Первое понимание типично для итальянской, а второе – для германской (немецкой) и французской правовых систем. К области же публичного права в данной семье причисляются, например, конституционное, административное и уголовное право.

Можно констатировать наличие нормативного правового отраслевого размежевания и в системах, представляющих семью общего (прецедентного, англосаксонского, англо-американского) права. В ней усматриваются (по меньшей мере) конституционное, гражданское и уголовное правовые образования (хотя конструкция “материальное – процессуальное право” здесь более развита).

Что же касается систем права, входящих в мусульманскую правовую семью, то по отношению к ним надлежит указать на области конституционного и уголовного толка, а также на те общности, которые, будучи раздробленными в данной среде, в других правовых порядках подпадают (исчерпывающим или превалирующим образом) под категорию гражданско-правовых норм.

Многогранность правового содержания предопределяет и необходимость градации самого предмета правового регулирования, т.е. выделе-

ния его уровней. Поскольку идея материального показателя задается сущностным назначением права (закрывающимся в оказании упорядочивающего воздействия на социально значимое поведение участников правовой жизни и нацеленного согласования их интересов), то общий предмет правового регулирования всегда будет представлен действительной и возможной совокупностью общественных отношений, способных поддаваться положительному правовому воздействию. Для каждой семьи отраслей норм права тоже можно выделить “свои” предметы, носящие родовой характер. Отдельному же нормативному отраслевому образованию будет соответствовать видовой предмет правового регулирования.

Говоря более конкретно, стоит выделить следующие семь уровней предмета правового регулирования: всеобщий (объединяющий с правовых позиций все фактическое и потенциальное социальное поведение); общий (его составляют юридико-адекватные отношения между лицами в рамках какой-либо определенной правовой системы); родовой (присущий семьям отраслей частного и публичного, материального и процессуального права); видовой (отраслевой); подвидовой (институциональный); специальный (являющийся частью подвидового) и непосредственный (выделяемый применительно к конкретной правовой норме). Касательно системы права одной определенной правовой системы, то актуальными останутся только четыре уровня дробления, представленных общим, видовым, подвидовым и непосредственным предметами.

Аналогичная градация может распространяться и на систему законодательства (всего писаного нормативного юридического материала) с поправкой на то, что наличие в данной “плоскости” комплексных актов требует выделения еще и дополнительного предмета, а возможность существования пространственных юридических коллизий делает допустимым содержательное действие факультативного порядка.

Другой существенной составляющей тематики системы права является вопрос о концепции дуалистического правового строения. По нашему мнению, частное право и публичное являют собою содержательные правосистемные элементы, отражающие: сущностное, принципиальное наполнение (причем и “чисто нормативного”, и поведенческого толка) корреспондирующего явления; интересы субъектов социально-правового общения; цель, а также приемы и способы оказания на таковых юридического воздействия. Отсюда следует, что определение частности или

публичности имеющих правовое значение поведенческих правил, так же как и в случае с отраслевыми образованиями, следует производить, исходя из совокупности нескольких показателей (ибо “одностороннее” рассмотрение сущностного строения многогранных феноменов не является надлежащим).

Не стоит забывать и о том, что функционирование частного и публичного права осуществляется не только через обособление, но и посредством “переплетения”. Более того, в зависимости от ситуационного контекста многие правила поведения могут принять “огранку” как частно-, так и публично-правовой нормы. В качестве обоснованных факторов разграничения ветвей частного и публичного права следует указать на: преобладающий субъективный интерес; телеологию правового регулирования; группу преобладающих принципов права и поведения его участников; способы и приемы правового воздействия и юридической регламентации; сочетание (набор) формально-юридических источников права; однородность содержательного наполнения.

Из обозначенного выводится, что показатели различения частного и публичного права хоть и схожи с названными применительно к формированию отраслей права, но не идентичны им. Это обусловлено меньшей действенной обобщенностью отраслевых элементов системы права (предопределяющей потребность в большем числе размежевывающих факторов) и интегрирующим по отношению к оным характером частного и публичного права (обособление которых производится по более “значимым”, “укрупненным” показателям).

В порядке разъяснения укажем, что характеристика частных (личных) и публичных (общественных) заинтересованностей, как правило, не сопровождается какими-либо конкретизирующими, направляющими “увязками” (к примеру, словами “непосредственный” и “опосредованный”). Вместе с тем, наличие таковых представляется необходимым, так как “основная идея” и частного, и публичного права проявляется именно в том, на реализацию каких интересов и потребностей непосредственно (“прямо”) нацелен субъект социально-правовой жизни. Без учета данного обстоятельства нивелируется (или по меньшей мере искажается), сам принцип дуалистического строения. В свою очередь, юридико-источниковый фактор отражает “срез” всех других показателей, а однородное содержание представляет корреспондирующий уровень предмета правового регулирования.

В отношении метода правового регулирования отметим, что (как мыслится) он не может быть признан единственным показателем частности или публичности правовой нормы ввиду своего специального формально-юридического характера, недостаточного для последовательного размежевания компонентов сложной дуалистической конструкции. Кроме того, указанный элемент правовой формы содержит не только объективную, но и субъективную составляющую.

При этом ветвям и частного, и публичного права действительно соответствуют преобладающие наборы приемов и способов юридической регуляции, представленные диспозитивным и императивным методами. В то же время демократизация и интернационализация правовой жизни проявляются в увеличении вариативности в публичной области, а стремление большинства суверенных организаций политической власти осуществлять социальные функции приводит к “усилению” императивных проявлений в частноправовом направлении.

Интересно, что с этимологических позиций наименование “диспозитивный метод” представляется не вполне точным, так как ключевое слово в нем означает “расположение”. Сообразно этому диспозицией в интересующей нас области называют “основной” элемент правовой нормы, отражающий непосредственно юридико-регламентируемое поведенческое правило (основное содержание такового). В отношении же императивного метода, напротив, можно констатировать четкое соотношение наименования и содержания. Так, в лингвистике императивом именуется повелительное наклонение, а в философии – категорическое, безусловное требование. Другие наполнения термина “императив” тоже увязываются с повелительностью, категоричностью, требовательностью, властью.

В целом же можно выдвинуть гипотезу о том, что видение системы права не должно ограничиваться только лишь отраслевой конструкцией – о том, что наличествует, и иные ее срезы. В частности, вся система позитивного права может быть представлена пятью структурными пластами: статутным правом, нормативным договорным правом, обычным правом, прецедентным правом и правом, отображенным посредством религиозных норм. Это видение ориентировано на отражение системы права через внутренние закономерные проявления, выраженные в видовых объединениях формально-юридических источников. Последние формализуют правовые нормы, типичны для правовой среды (как целого), закономерно при-

сутствуют в ней, связаны с публичным опосредованием и в качестве целостных форм выражения норм права носят константный характер.

Примечательно, что общая формовыражающая конструкция системы права может иметь “горизонтальный” характер. Это обусловлено неодинаковым иерархическим сочетанием видов форм внешнего выражения, оформления, закрепления и существования правовых норм в правовых системах мира, а также тем, что различен в таковых и набор юридических источников.

Можно предложить и иную, “принципную” модель системы права. Ее выделение мотивировано тем, что в различных правовых обществах системно наблюдается бытие поведенческих правил, которые или воспринимаются в качестве основополагающих (принципиальных), или бланкетно (ограниченно, диспозитивно, рамочно) регулируют одну часть социального взаимодействия, наделяя другие деяния “статусом” общественно опасных (вредных). Другими словами, в праве существуют такие образования, которые даже при перемене своего конкретного наполнения постоянно присутствуют в правовой среде и, нося структурный характер, “собирают вокруг себя” другие компоненты юридической ткани. Получается, что вся сфера правового действия может быть представлена триадой “основное право (право принципов права) – частное право – публичное право”.

Основное (базовое) право аккумулирует именно принципы, т.е. фундаментальные, значимые для всей корреспондирующей области идейные правила. В частности, оно объединяет в себе основоположения справедливости, правозаконности, гуманизма, формально-юридического равенства участников правового общения. К этому же блоку относятся общеправовые идеи аксиоматического характера, а также те основные правовые начала, которые имеют фундаментальное значение для какой-либо конкретной правовой системы. Неоднородность социального взаимодействия предопределяет и наличие в строении права еще двух компонентов – частного и публичного права. Их функционирование осуществляется не на основе механического обособления, а посредством “переплетения” и “взаимоперехода”.

Предложенная модель носит основополагающий, структурный характер. В рамках нее возможно (и даже целесообразно) производить дальнейшие градации. Не стоит отказываться и от учета того, что вычленение трех поименованных частей не свидетельствует в пользу отсутствия в системе права структурных элементов иных “полярно-граневых” пластов. Здесь существенно,

например, то, что материальность и (или) процессуальность (и (или) процедурность) норм права не препятствуют их одновременной принадлежности к какому-либо из названных компонентов “принципной” системы.

Можно предложить и такие схемы системы права, которые будут “отталкиваться” от типологизации государства и права. Например, согласно марксистскому подходу общественно-экономическим формациям соответствуют определенные типы не только национальных публичных организаций политической власти, но и права. Это позволяет выявить рабовладельческий, феодальный, капиталистический и восточнотеократический типы систем интересующего нас явления. Что касается “постбуржуазной” формации, то таковая включает в себя не только собственно коммунистическую, но и предшествующую ей социалистическую составляющую. Последней сопутствуют одноименный тип права и его системы, но суть оных мало чем отличается от тех, что присущи капиталистическим правовым порядкам. На собственно коммунистической стадии существования общества никакого типа системы права быть не должно (ввиду отсутствия государства, а значит, и права).

Между тем формационная типология далеко не единственная. Так, сообразно локальным, особым и всеобщим цивилизациям можно выделить одноименные типы систем права. Согласно религиозной типологии выявляются теократические, клерикальные, светские и атеистические государства. Следовательно, можно предложить одноименные типы права и их систем.

Такого рода типов систем права можно выделить много, ведь подходы к типологии государств действительно многочисленны. Но возникает вопрос о необходимости их реализации. Как представляется, отвечать на него сугубо отрицательно нельзя хотя бы с познавательных позиций: системы права каждого типа будут отображать некие характерные и особенные черты представляемого ими явления. Вместе с тем, указанный подход, по сути, дает лишь вычленение тех аспектов, что демонстрируют зависимость юридических норм от публичной политической организации социума. Таким образом, его следует расценивать лишь в качестве вспомогательного.

Должно обратить отдельное внимание и на правовые нормы (основной, исходный элемент системного строевого ряда). Таковые по самой своей сути неодинаковы. С одной стороны, существуют такие поведенческие акты, которые на протяжении всего известного периода вызывали

значимые для социума последствия (деструктивной или конструктивной направленности) и (так или иначе) подвергались санкционированию (наказанию, каре, или, напротив, поощрению). В сущности, отображающие их правовые нормы через публично-властное опосредование не творятся, а лишь формализуются. С другой стороны, прочие деяния не являются (с правовых позиций) столь “неотъемлемыми”. Несмотря на то что существование и действие оных может быть весьма длительным, их профильная значимость ограничивается какой-либо одной социально-правовой семьей, системой или частью последней.

Без правовых норм первой группы, пусть даже и не выраженных посредством писаной формы, упорядоченное взаимодействие субъектов правового общения не представляется возможным до тех пор, пока сам *homo sapiens* (как их основной представитель) сохраняет свою биологико-социальную природу. Еще раз: здесь уполномоченное лицо не столько создает, сколько юридицирует нормы права; по своей значимости и константности таковые носят “неотменяемый” характер. Правовые нормы второй группы, напротив, имеют вторичный, производный, средобытийный характер: в контексте человеческой истории их содержание и юридическое оформление имеют необязательный и (или) изменчивый, факультативный толк.

Из сказанного следует, что “нормативно-групповая” система права по своей структуре имеет и иерархически-природный характер. Она проецируется в двух видах правовых норм, первый из которых должен расцениваться в качестве приоритетного (более значимого, вышестоящего). Закономерности формирования структуры системы права в данном контексте обусловлены главным образом сутью имеющих юридическое значение моделей поведения.

Указанное выше предопределяет и предлагаемое нами деление правовых норм на первичные (природно-исходные, постоянные) и производные (вторичные). В рамках каждой группы возможно проведение последующих дифференциаций, зависящих помимо прочего от “степени внутреннего принятия” тех или иных поведенческих правил конкретными правовыми системами.

Неоднозначно решается в юридической науке и вопрос об “обязательности присутствия” в каждой правовой норме всех трех составляющих элементов. Базовые модификации разрешения при этом можно представить дихотомией: любая норма права всегда – не всегда – содержит в себе и гипотезу, и диспозицию, и санкцию.

Отметим, что части структурного характера в явлении отсутствовать не могут, ибо они носят для такового константный, закономерный, сущностный, строеобразующий характер. Таким образом, при признании вариативности компонентного набора необходимо делать вывод о том, что речь идет об элементе (ах) внеструктурного ряда. Очень часто при характеристике правовой нормы подчеркивается почему-то и ее “связь” именно с нормативным правовым актом. Возможно, такое видение проистекает из господствовавшего в советский период направления нормативистской концепции понимания права, согласно которому “нормы социалистического права всегда содержатся в официальном, исходящем от государства акте”³. Но общая теория права современного периода в целом также подобного подхода не опровергает. Мыслится, что поскольку правовые нормы содержатся не только в статутных и нижестоящих по иерархии нормативных правовых актах и вообще – не только в писаном правовом материале, но и в других (в том числе неписаных) видах формально-юридических источников, то “привязка” анализируемой разновидности правил социального поведения к какой-либо одной формовыражающей правовой группе не является достоверной. Кроме того, если обратить внимание на качество правовых норм, то можно заметить, что таковое (в срезе сравнений “высокое – низкое”, “лучшее – худшее”) никоим образом не связано с видом “содержащего” поведенческое правило формально-юридического источника. “Привязка” качественного нормативного правового действия к какому-либо виду (ам) юридического (их) источника (ов) отсутствует.

Представляется, что о структуре правовой нормы можно говорить в двух аспектах: словесно-содержательном и формально-логическом. Первый предполагает действительную, фактическую, “реально существующую” структуру конкретной нормы права, отображенной в ее непосредственной (основной) лексической (текстовой) форме. Второй аспект подразумевает наличие мыслительной модели формирования, формулирования, отображения и действия поведенческого правила, составляющего правовую норму.

Логическая структура нормы права имеет ориентирующее (направляющее) значение для формулирования и распознавания конструк-

³ Теория государства и права / Под ред. В.М. Курицина, З.Д. Ивановой. М., 1986. С. 228; см. об этом также: Баранов В.М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. Дисс. ... доктора юрид. наук. Горький, 1990.

ций фактических юридических поведенческих правил. При этом если имеется правозначимая модель поведения, то требуется информация об условии (ях) ее наступления (необходимо знать, при каких фактах и обстоятельствах начинается действие нормы, т.е. какова ее гипотеза). Должно существовать и непосредственно само поведенческое правило, его “основное” содержание (диспозиция), ведь без такового нельзя говорить о бытии какой-либо нормы вообще. Обязательными видятся и данные о последствиях реализации диспозиции (т.е. о санкции, причем независимо от того, носит ли таковая по отношению к воплотившему норму права “в жизнь” субъекту негативный (наказательный) или позитивный (поощрительный) характер), так как в условиях неопределенности следствия более чем затруднительно обоснованно утверждать о возможности государственного (международного) обеспечения имеющего юридическое значение поведенческого стандарта.

Таким образом, можно констатировать, что правовые “предписания”, для того чтобы действительно воздействовать на общественные отношения, должны обладать условиями, содержательными наполнениями и указаниями на последствия своего действия. Другими словами, логическая структура нормы права является не просто идеальной мыслительной моделью, но и ориентирует на практическое качественное воздействие на общественные отношения.

Как представляется, признание отсутствия в правовой норме какого-либо из структурных элементов является не более чем условным упрощением. Оно не может носить абсолютного характера, причем не только потому, что это будет свидетельствовать о нелогичности нормы права (что уже само по себе противоречит методологии юриспруденции), не только потому, что способные к отсутствию компоненты явления не могут носить в отношении одного структурного характера, но и потому, что именно каждая из частей (и не по отдельности, а в единстве) направлена на достижение цели юридического воздействия, на обеспечение его системного эффекта. Указания же на отсутствие в правовой норме либо гипотезы, либо санкции, либо их обеих (так как по части обязательности диспозиции дифференциации мнений не усматривается), как думается, относимы не к правовой норме в собственном смысле слова, но лишь к способу ее изложения. Например, часто указывается на отсутствие мер юридического воздействия у конституционных норм. Вместе с тем, основозаконные диспозиции

должны “обслуживаться” санкциями всех других нормативных правовых форм корреспондирующего правового порядка.

Некоторое внимание целесообразно уделить и проблеме соотношения систем права и законодательства, особенно по части возможности существования в них комплексных элементов. Отрицание таковых посредством указания на то, что один и тот же набор правовых отношений не может подпадать под действие сразу нескольких принципов и содержательных областей права, не только является неоднозначным с “мировоззренческих” позиций, но и не подтверждается данными о правовом действии.

Констатировать “привязку” правового отношения к какой-либо одной отрасли права можно не часто. Многие из них “испытывают на себе” действие сразу нескольких юридических областей. Но это не влияет на решение вопроса об их правовой сущности. Так, в частности, спортивные, образовательные, медицинские, военные отношения (в имеющем юридическое значение срезе) регламентируются совокупностью разновидных норм⁴, несоответствия между которыми приводят к пространственным юридическим коллизиям. В писаных юридических источниках, “представляющих” одно содержательное направление права, поведенческие правила, относимые к другому, не только могут быть, но и наличествуют. Это обусловлено многими, далеко не всегда порочными факторами, в том числе рационализацией обращения с нормативной правовой тканью (например, удобством ознакомления с нею). К тому же в данном случае имеет место быть не отрасль права, но одноименное подразделение законодательства (в широком значении данного термина). По своей же системной привязке подобные “инородные” правоположения будут “входить” не в те юридические области, к которым относятся отображающие их акты, но в те, к которым сами они принадлежат по своему содержанию.

Указанное находит дополнительное подтверждение и в действующих статутных источниках отечественного правового порядка. Так, в кодифицированных законах федерального уровня принято указывать, что их положениям должны соответствовать любые нормы корреспондирующей юридической принадлежности независимо от того, в каком нормативном правовом акте они

⁴ См., например: Федеральный закон “О физической культуре и спорте в Российской Федерации” от 4 декабря 2007 г. (в ред. от 7 мая 2009 г.) // Росс. газ. 2007. № 276; Федеральный закон “О лекарственных средствах” от 22 июня 1998 г. // Росс. газ. 1998. № 118.

расположены. В этом прослеживается признание трактовки норм одного правового направления, содержащегося в источнике другого и относящегося именно к “материнской” сфере, а не к области своего “фактического пребывания”.

Таким образом, если наличие комплексных правовых актов в современных условиях отрицать нельзя, то указания на бытие комплексных отраслей в праве представляются недостоверными⁵.

В завершение, обращаясь к строению правовой системы международного уровня, скажем, что элементный состав таковой также весьма много-

гранен. С современных доктринальных позиций в отношении него “действительны” и дуалистическое строение, и отраслевое деление. Предложенные юридико-источниковый и “принципный” срезы структурного правового ряда (тоже носящие универсальный, общетеоретический характер) также “пригодны” не только для национальных, но и для международной правовой системы. Более того, что касается “принципной” структуры, основное право в целом может быть подразделено на три разноуровневые части. Таковое градируется в отношении международного порядка и одноименных общностей внутригосударственного “ранга”, в то время как часть его составляет общее основное право. Последнее распространяется и на международные, и на национальные правовые образования, а значит, должно иметь характер юридической доминанты.

⁵ О признании комплексных отраслей права см.: *Алексеев С.С.* Структура системы советского права. М., 1975. С. 160–190. На наш взгляд, по сути, ученый ведет речь все же о легальных показателях правовой системы.